

Бородулина Е. В. Промысловая кооперация Сибири на исходе новой экономической политики (1926—1929 годы) / Е. В. Бородулина // Научный диалог. — 2020. — № 9. — С. 298—318. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-298-318.

Borodulina, E. V. (2020). Industrial Cooperation in Siberia at the End of the New Economic Policy (1926—1929). *Nauchnyi dialog*, 9: 298-318. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-298-318. (In Russ.).

УДК 94(47)“1926/1929”

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-298-318

ПРОМЫСЛОВАЯ КООПЕРАЦИЯ СИБИРИ НА ИСХОДЕ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ (1926—1929 годы)

© **Бородулина Елена Викторовна (2020)**, orcid.org/0000-0002-0324-927X, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Тюменский государственный университет» (Тюмень, Россия), borodulina.e@list.ru.

В статье охарактеризовано положение промысловой кооперации Сибири в 1926—1929 годах. Анализируются такие ее стороны, как организационное строительство, экономическое развитие и региональная специфика в условиях превращения объединений мелких промышленных производителей в самостоятельную кооперативную систему. Уделяется внимание особенностям возникновения и приоритетным направлениям деятельности Сибирского промыслового союза. Актуальность исследования обусловлена как продолжающейся дискуссией об оценке состояния промысловой кооперации накануне «великого перелома», так ее масштабами и ролью в развитии региона. Автор формулирует собственный подход, позволяющий оценить социально-экономические процессы в мелком промышленном производстве. Делается вывод, что общим итогом организационно-хозяйственного развития сибирской промысловой кооперации в последние годы новой экономической политики стало превращение ее в силу, которая способна была повлиять на дальнейшее развитие объединений кустарей и ремесленников, но протекционистские меры усилили зависимость артелей от государственных органов в плане финансирования, снабжения, организации сбыта и создали предпосылки для огосударствления промысловой кооперации Сибири. Основными источниками работы послужили материалы из фондов Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива Новосибирской области, Государственного архива Алтайского края, часть которых впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: Сибирь; промысловая кооперация; артель; промысловый союз; Сибпромсоюз; кустари и ремесленники; новая экономическая политика.

1. Введение

К 1926 году восстановление народного хозяйства страны, в том числе мелкой промышленности, было в основном завершено. Советское государство взяло курс на вовлечение городских и сельских кустарей и ремес-

ленников в социалистическое строительство. Главным средством решения этой задачи могла стать промысловая кооперация.

Мелкое и кустарно-ремесленное производство в Сибирском крае играло значительную роль и по количеству занятых в нем производителей, и по объему валовой продукции. По материалам Сибирского краевого статистического отдела (Сибстатотдел) за 1926 год, число лиц, занятых только в кустарно-ремесленной промышленности, без северных окраин, составляло 159 268 человек, из них в городе трудилось 20,9 %, на селе — 79,1 % [ГАНУ, ф. р-22, оп. 2, д. 442, л. 3 об.]; объем валовой продукции кустарного производства в 1926 году составлял 48,1 % всей валовой промышленной продукции края [Там же, оп. 1, д. 30 «а», л. 1; оп. 2, д. 415, л. 281]; при этом кооперировано было лишь 6,3 % кустарей и ремесленников [Там же, оп. 2, д. 544, л. 196]. Следовательно, вопрос о промысловой кооперации опять становится актуальным, как и в условиях перехода от военного коммунизма к новой экономической политике [Бородулина, 2018]. Именно развитие промысловой кооперации в данный период могло послужить важнейшей предпосылкой для осуществления массового производственного кооперирования мелких промышленных производителей. Поэтому перед партийными и советскими органами вновь, как и в начале нэпа, возникает проблема оформления промысловой кооперации в самостоятельную систему, ее организационное становление и социально-экономическое развитие.

К 1926 году многие кустарные коллективы входили в системы потребительской и сельскохозяйственной кооперации. Возможности развития кустарно-ремесленного производства и промысловой кооперации в рамках этих кооперативных систем были ограничены, так как потребительская кооперация и сельскохозяйственная (сельскосоюзы) работали в основном в тех промыслах, которые удовлетворяли их внутренние потребности. Потребкооперация и сельскосоюзы не были заинтересованы в поддержке промысловых артелей, в снабжении кустарей сырьем, материалами и оборудованием. Они нередко использовали не по назначению государственные средства, отпускаемые на развитие кустарного производства. Из-за неорганизованности снабжения сырьем и материалами мелких промышленных производителей со стороны государственных и кооперативных организаций сибирский кустарь находился в большой зависимости от частных заказчиков, от скупщиков, которые вели заготовку сырья для кустарей и сбывали их готовую продукцию, эксплуатируя последних в качестве дешевой рабочей силы [ГАНУ, ф. р-12, оп. 1, д. 462, л. 41, 111]. Зависимость кустаря от частника проявлялась и по линии кредитов. Крайняя недостаточность кредитования мелких промышленников со стороны банков и государствен-

ных организаций заставляла кустаря обращаться за кредитом к частнику. По данным Сибирского краевого совета народного хозяйства (Сибкрайсовнархоз), за 1926 год кредитование частными лицами кустарей составляло 21,1 % от общей суммы кредитов, а получение задатка под готовые товары — 52,6 % [ГАНУ, ф. р-22, оп. 1, д. 53, л. 76]. В данных условиях сибирские партийные и советские органы решающее значение в промкооперативном строительстве стали придавать созданию самостоятельных промысловых союзов на базе промысловых секций потребительской и сельскохозяйственной кооперации, а также оформлению Сибирского краевого союза кустарно-промысловой кооперации и организации его работы. Последнее стало приоритетным направлением в деятельности партийно-государственных органов на исходе новой экономической политики.

В современной историографии появилось огромное количество литературы, посвященной нэпу, в том числе, интерес исследователей привлекали государственная политика в промышленности в 1920-е годы, история мелкой промышленности и организационно-хозяйственное развитие промысловой кооперации [Барков, 2010; Егоров, 2005; Николаев, 2000; Лейкина, 2004; Семина, 2018; Сидорова, 2011; Юматова, 2010; Ягов, 2009]. Учеными накоплен богатый фактический материал, включая региональный; основательно изучены законодательство периода нэпа, политическая линия большевиков по отношению к кустарям и ремесленникам, кооперативная политика; в динамике рассмотрена производственная деятельность кустарно-промысловых кооперативов и социальный состав городских и сельских артелей. В то же время дальнейшего анализа требуют сюжеты, связанные со структурой и экономическим, в том числе финансовым, развитием сибирской промысловой кооперации накануне сталинской модернизации; нуждаются в дополнениях проблемы материального положения артельщиков в 1926—1929 годах; вызывает научный интерес подготовка кадров для кооперативных объединений. До сих пор дискуссионным остается вопрос об оценке состояния промысловой кооперации накануне «великого перелома», хотя на это обращал внимание в своей монографии еще в 2000 году доктор исторических наук А. А. Николаев [Николаев, 2000, с. 11]. Все обозначенные выше аспекты рассматриваемой темы, требующие дополнений, уточнений, переоценки, определили структуру предлагаемого исследования.

2. Организационное строительство промкооперативной системы

29—31 декабря 1925 года состоялось I-е сибирское краевое совещание кустарно-промысловой кооперации, на котором отмечалось, что в регионе развитие промысловой кооперации «идет медленнее, чем по Союзу», а по-

пытка содействовать ей через отделение Всероссийского союза промысловой кооперации (Всекопромсоюз) «положительных результатов не дает», так как «нельзя кооперировать сверху» [ГАНО, ф. р-918, оп. 1, д. 492, л. 97]. Слабость сибирской промкооперации к концу восстановительного периода многие кооперативные работники справедливо связывали со слабостью ее организационного строительства на местах и с отсутствием регионального центра промысловой кооперации [Там же, оп. 2, д. 442, л. 22 об.]. К марту 1926 года промысловая кооперация края охватывала незначительную часть кустарей. На территории региона имелось всего 4 окружных промысловых союза: Барнаульский, Красноярский, Новосибирский, Томский и две ячейки промысловых союзов в Иркутске и Омске, в которых числился 101 кооператив с 2318 артельщиками [Там же, ф. р-12, оп. 1, д. 464, л. 19]. Кроме промсоюзов, в ряде сибирских городов при отделах местного хозяйства создавались бюро по объединению первичных кустарно-промысловых кооперативов, которые пытались сплотить вокруг себя имеющиеся артели. Подобные бюро появились в Ачинске, Бийске, Минусинске [Кооперация Сибири ..., 1927, с. 50].

Интеграционные процессы в сибирской промысловой кооперации активизировались к середине 1926 года, что проявилось прежде всего в значительном стихийном росте ее низовой сети и увеличении численности артельщиков [ГАНО, ф. р-22, оп. 2, д. 53, л. 86; ф. р-918, оп. 1, д. 9, л. 36; ГАРФ, ф. 5449, оп. 2, д. 647, л. 1, 6, 13; д. 934, л. 1; д. 1035, л. 2]. Если на 1 октября 1927 года было 7856 членов промкооперативных объединений края, то на 1 апреля 1929 года — 28737, причем весной 1929 года кооперированность в городе доходила уже до 47,3 %, на селе — до 9,8 % [ГАНО, ф. п-2, оп. 2, д. 368, л. 52]. Выросла и доля промкооперации в кустарной промышленности края: в 1927 году число кооперированных кустарей составляло 7 % от всего количества кустарей Сибири [Там же, оп. 1, д. 462, л. 77]; по итогам 1928 / 29 хозяйственного года¹ (далее — х. г.) этот показатель достиг 26,7 % [ГАРФ, ф. 5449, оп. 2, д. 1331, л. 8]. Таким образом, оформляется устойчивая низовая сеть промысловой кооперации. Следующим шагом стало образование новых окружных промысловых союзов. Начался очередной этап в истории сибирской промкооперации периода нэпа, ее целенаправленное организационное строительство. До апреля 1928 года в крае было организовано еще 8 кустарно-промысловых союзов: Ачинский, Бийский, Иркутский, Каменский, Канский, Кузнецкий, Минусинский и Омский. По состоянию на 1 октября 1926 года 5 имеющихся

1 В СССР в 1926—1929 годах хозяйственный год, применительно к которому велась вся отчетность и осуществлялась деятельность предприятий и объединений, исчислялся с 1 октября по 30 сентября.

промысловых союзов Сибирского края объединяли 169 первичных кооперативов и 3694 кооперированных кустарей [ГАНУ, ф. р-22, оп. 2, д. 415, л. 33], по данным на 1 апреля 1928 года уже 12 действовавших союзов сибирской промкооперации объединяли 555 кооперативов и 16 424 кустарей [Вестник промысловой ..., 1932, с. 35]. Наибольшее количество кооперативов — 99 — числилось в Новосибирском промысловом союзе; первое место по количеству кооперированных кустарей — 2958 человек — занимал Барнаульский промсоюз [ГАНУ, ф. р-22, оп. 2, д. 644, л. 74]. Последний являлся лидером и по числу артелей в системе окрсоюза [Там же, ф. р-12, оп. 1, д. 462, л. 94].

Далеко не все объединения кустарей и ремесленников становились членами промысловых союзов. Это было связано как со спецификой сибирской мелкой промышленности (преобладание в ней сельских кустарей, распыленность мелкотоварного производства, сезонный характер многих промыслов и т. п.), так и с приоритетами самих союзов, главным объектом кооперирования которых первоначально были в основном городские мелкие производители. Однако рост числа артелей в системе окрсоюзов Сибири в последние годы новой экономической политики также свидетельствовал об усилении интеграционных процессов. Если в октябре 1926 года, например, Томский союз объединял 21 % всех артелей округа, а Новосибирский — 41 %, то весной 1927 года эти показатели равнялись 40 и 68 %, а в середине 1929 года — 47 и 75 % соответственно [Там же; ф. р-918, оп. 1, д. 521, л. 36].

Окружные союзы создавались в Сибири, в первую очередь, в тех округах, которые располагали относительно развитыми кустарными промыслами, где имелаась для этого соответствующая материальная база, где кустари и ремесленники удовлетворяли ту часть потребностей населения, которую не могла удовлетворить государственная промышленность. Не все союзы действовали в рамках только своего округа. Сибирский краевой исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Сибкрайисполком) получил право разрешать учреждение промысловых кооперативных объединений с районами деятельности, выходящими за пределы отдельных округов Сибирского края, что давало возможность включать в сферу деятельности промкооперации ряд округов, не имеющих своих промысловых союзов. Например, в 1926—1928 годах в Новосибирский «Кустарьсоюз» входили барабинские кооперативы, в Барнаульский районный промсоюз — рубцовские, в Томский — мариинские [Коновалов и др., 1984, с. 31], в Омский — тарские [ГАНУ, ф. п-981, оп. 1, д. 152, л. 13]. Кроме того, Сибирский межкооперативный совет в де-

кабре 1927 года признал необходимой в качестве переходной формы организацию автономных кустарно-промысловых отделов при союзах сельскохозяйственных и кредитных кооперативов (селькредитсоюзы) в тех округах, где имелись экономические предпосылки к развитию кустарных промыслов и не было специальных кустарно-промысловых союзов [Там же, ф. п-18, оп. 1, д. 782, л. 9]. К апрелю 1928 года кустарно-промысловые отделы были организованы при трех окружных селькредитсоюзах: Рубцовском, Тарском и Тулунском. Отделами объединялись 73 первичных кооператива и 1100 кооперированных кустарей [Вестник промысловой ..., 1932, с. 36; ГАНО, ф. р-22, оп. 2, д. 644, л. 74].

С 1928 года промысловые союзы и кустарно-промысловые отделы стали обращать особое внимание на кооперирование сельских кустарей. В 1928 году в деревне было кооперировано 6,8 % кустарей, весной 1929 года — 9,8 %, к концу исследуемого периода — 17,1 %; в городе эти показатели продолжали оставаться значительно выше — 36,6, 47,3 и 59,9 % соответственно [Там же, ф. п-2, оп. 7, д. 565, л. 39].

Организационные преобразования затронули не только союзную систему промысловой кооперации, но и ее низовую сеть. Во второй половине 1920-х годов промсоюзами в подавляющем большинстве создавались кустарно-промысловые артели с общей мастерской. Так, на 1 января 1929 года среди городских производственных кустарно-промысловых артелей 84 % — это артели с общей мастерской [Там же, ф. р-22, оп. 2, д. 644, л. 28; д. 739, л. 71]. В такой форме объединения кустарей первоначально были заинтересованы не только советские и партийные органы, но и сами кооператоры. Первым подобные предприятия давали возможность регулировать социальный состав артелей, планировать и контролировать их экономическую деятельность; вторым — гарантировали заработную плату и нормированный рабочий день, реализацию готовой продукции, защиту от частника. Наконец, в артелях с общей мастерской можно было частично механизировать труд, повысить его производительность. В среднем на одну сибирскую артель с общей мастерской, по данным на 1 апреля 1928 года, приходилось 24 члена [Там же, ф. р-22, оп. 2, д. 644, л. 76]. Именно с 1928 года в Сибирском крае активизировался процесс укрупнения кооперативных объединений, особенно работавших на местном дефицитном сырье [Там же, ф. п-2, оп. 2, д. 368, л. 77]. К 1 января 1929 года в одной такой артели в среднем трудилось 48 человек, в отличие от кустарно-промысловых объединений, использующих дефицитное сырье, где средний показатель работников — 28 человек [ГАРФ, ф. 5449, оп. 2, д. 1463, л. 23].

Улучшение организационного состояния системы позволяло сибирской промысловой кооперации заняться вопросами организации производства. Однако собственного хозяйственного центра она не имела. Помощь сибирским промсоюзам из Москвы практически не оказывалась. Само организационное строительство сибирской промысловой кооперации до конца 1927 года шло без всякого содействия Всекопромсоюза, не имевшего надлежащего представления о ней [ГАНО, ф. р-22, оп. 2, д. 644, л. 89]. Результаты инструкторского обследования промкооперации края, проведенного в июле—сентябре 1927 года, спустя два года после возникновения первых окружных промсоюзов в регионе, показали, что в течение этого срока Всекопромсоюз выделил сибирским промсоюзам средств меньше, чем одной Павловской артели Средне-Волжского края [Вестник промысловой ..., 1927, с. 35; Коновалов и др., 1984, с. 31]. Учитывая эти обстоятельства, президиум Сибкрайсовнархоза в постановлении от 1 июня 1928 года признал необходимым создание краевого хозяйственного центра промкооперации и обратился в правление Всекопромсоюза с просьбой в виде исключения разрешить его организацию, хотя Постановлением СНК СССР от 3 мая 1927 года «О кустарно-ремесленной промышленности и промысловой кооперации» предусматривалось трехступенчатое организационное построение промкооперации: первичный кооператив — окружной союз — Всекопромсоюз. 19 июня 1928 года правление Всекопромсоюза дало согласие на создание краевого союза промкооперации с функциями краевого и хозяйственного обслуживания промысловых союзов Сибири [ГАНО, ф. р-22, оп. 2, д. 644, л. 89]. Созванное в сентябре 1928 года собрание уполномоченных завершилось созданием Сибирского краевого союза кустарно-промысловой кооперации (Сибпромсоюза), правление которого приступило к работе 1 октября 1928 года [ГАРФ, ф. 5449, оп. 2, д. 1032, л. 2], несмотря на то что аппарат Сибпромсоюза не был полностью сформирован: так, в орготделе не хватало 50 % инструкторов [Там же, д. 1463, л. 11 об.]. К моменту организации краевого союза в Сибири было 13 окружных промсоюзов, объединявших 637 кооперативов и 19 164 члена [ГАРФ, ф. 5449, оп. 2, д. 1032, л. 226]. 17 октября 1928 года Всекопромсоюз принял Сибпромсоюз в свои члены [Там же]. Первый собственный капитал Сибпромсоюза равнялся 7588 руб.; кроме того, союзом был получен кредит деньгами в размере 50 272 руб. и товарами на сумму 21 675 руб. 43 копейки [ГАНО, ф. р-12, оп. 1, д. 311, л. 121].

На 8 марта 1929 года в систему Сибпромсоюза входили уже 16 окружных и межрайонных кустарно-промысловых союзов [ГАРФ, ф. 5449, оп. 2, д. 1331, л. 8]. Основной формой объединения кустарей в Сибири на ис-

ходе нэпа были производственные кустарно-промысловые артели с общей мастерской, составлявшие на 1 октября 1929 года 78,5 % всех первичных промкооперативов края [Там же, д. 1463, л. 23]. Созданная промкооперативная система, с одной стороны, наиболее полно отвечала общему курсу промышленной и кооперативной политики государства, с другой — учитывала интересы мелких промышленных производителей. Количественные и качественные изменения системы промысловой кооперации в 1926—1929 годах отразились на ее экономическом состоянии и основных экономических показателях.

3. Экономическое положение промкооперации

Исключительно большое значение в плане производственной деятельности и организации сбыта имела помощь промысловой кооперации со стороны государства. Важна была также деятельность советских и партийных органов на местах. Однако последние строили свою работу с артелями «от случая к случаю», даже на промсоюзы «смотрели как на частника» [ГАНО, ф. р-12, оп. 1, д. 462, л. 115]. Например, до середины 1926 года сбыт изделий кустарных промыслов не был организован. Мелкие промышленные производители и артели самостоятельно вывозили продукцию на рынок, неся серьезные убытки. Окружным промысловым союзам тоже приходилось нелегко. Недостаточность собственных средств и соответствующих для организации сбыта кредитов банков, отсутствие договоров с хозяйственными органами и союзами других видов кооперации вынуждали промсоюзы или создавать собственные розничные магазины, или выстраивать отношения с частными посредниками. Например, Томский промысловый союз в 1926 году сбывал частным посредникам шапок — 50 % от всего сбыта, мыла — 46,2 %, железных изделий — 100 %, обуви — 40,2 % [Там же, л. 119]. Отметим, что частник нередко выступал не только в роли покупателя продукции, но и в роли кредитора, то есть являлся одновременно скупщиком и ростовщиком [Там же, л. 109].

Ситуация кардинально меняется лишь с 1927 года. В постановлении от 6 апреля 1927 года «О кустарно-промысловой кооперации» Сибкрайком ВКП(б) указал на недопустимость пренебрежительного отношения к промкооперации и предложил местным государственным и кооперативным организациям немедленно принять меры к увеличению снабжения промкооперации сырьем и полуфабрикатами, улучшению условий сбыта ее продукции, усилению кредитования промсоюзов банками [РГАСПИ, ф. 17, оп. 21, д. 3194, л. 172—173]. В том же 1927 году и Сибкрайисполком поставил задачу проработать вопросы о снабжении промкооперации сы-

рьем и полуфабрикатами, об организованном сбыте артельной продукции [ГАНО, ф. р-22, оп. 2, д. 564, л. 13]. По всем обозначенным выше направлениям наблюдаются позитивные изменения для промысловой кооперации края, особенно в области снабжения ее сырьем и сбыта кустарной продукции. Удельный вес государственных организаций и кооперации в заготовках промысловых союзов заметно растет. С апреля 1927 года все сибирские промсоюзы стали переходить в заготовках на систему длительных договоров [ГААК, ф. р-100, оп. 1, д. 172, л. 50]. Сбыт промкооперации также принял организованный характер. К концу 1927 года только 10 % всех заготовок и 12 % всего сбыта окрпромсоюзов были связаны с частником [ГАНО, ф. п-2, оп. 7, д. 400, л. 94, 95]. Увеличение планового снабжения промкооперации сырьем и полуфабрикатами и организация сбыта ее продукции не только привели к резкому сокращению доли частных скупщиков и торговцев в товарных оборотах промысловых союзов, но и сделали промысловую кооперацию более привлекательной для кустарей и ремесленников, чем работа на частника. Однако если вопросы сбыта артельной продукции в основном были решены, то проблемы снабжения промысловой кооперации сырьем и полуфабрикатами оставались на протяжении всего исследуемого периода. Во-первых, заявки промсоюзов на сырье и материалы выполнялись не в полном объеме, во-вторых, поставляемые объединениям кустарей сырье и полуфабрикаты не всегда являлись качественными и соответствовали запросам мелких промышленных производителей [ГАНО, ф. р-22, оп. 2, д. 564, л. 166; д. 736, л. 161].

Важным для промысловой кооперации являлся вопрос льготного кредитования. Собственных средств катастрофически не хватало. По данным на 1 января 1926 года, промысловая кооперация Сибири вела хозяйственную деятельность главным образом за счет привлеченных средств, которые в артелях составляли от 51 до 78 %, а в окружных промсоюзах до 80 % [Там же, ф. р-12, оп. 1, д. 464, л. 20—21]. В 1926 году государственное финансирование сибирской промкооперации увеличилось. Однако единственной формой банковского кредитования оставался краткосрочный кредит. Он был экономически не удобен, так как не соответствовал длительному производственному циклу большинства промыслов. 11 января 1928 года президиум Сибкрайисполкома в постановлении «Об основных принципах кредитования кустарно-промысловой кооперации» распорядился ввести для промкооперации дополнительно к краткосрочному долгосрочное и целевое кредитование [Там же, ф. р-22, оп. 2, д. 544, л. 190; д. 564, л. 271], а в целях «наиболее рационального порядка коммерческого кредитования» кустарно-промысловой кооперации реализовать на практи-

ке принцип «один клиент — один банк», разграничив кредитование между банками: коммерческое кредитование — Госбанк и Всекобанк, производственное кредитование (капитальные затраты и производственные нужды) — Сибкрайсельбанк [Там же, л. 191—192]. Отметим, что президиум Сибирской краевой плановой комиссии (Сибкрайплан) при необходимости также мог принимать решения о дополнительном кредитовании промышленных артелей [Там же, л. 200]. На 1 июня 1928 года общая сумма банковских краткосрочных кредитов, открытых промкооперации Сибирского края, составляла 1 736 000 руб.; общая сумма долгосрочного кредитования — 167 500 руб., в том числе из местного бюджета и местных организаций — 80 400 рублей. Целевой кредит начал применяться с III квартала 1928 года в отношении снабжения только кожсырьем и овечьей шерстью [Журавлев, 1929, с. 89]. По подсчетам В. В. Коновалова и А. П. Угроватого, кредиты, предоставляемые сибирской промкооперации, выросли с 1927/28 по 1928/29 х. г. в 7,5 раза [Коновалов и др., 1984, с. 33].

В исследуемый период наблюдался рост паевых взносов. В целях увеличения собственных средств промкооперации правления окружных союзов усилили работу по паесобиранию. В октябре 1927 года средняя сумма собранного паевого капитала на одного артельщика в низовой сети сибирской промкооперации составляла 37 рублей [ГАРФ, ф. 5449, оп. 2, д. 1463, л. 9]. Этот средний показатель не был стабильным и менялся ежегодно. Например, по Томскому союзу в октябре 1928 года средняя сумма паевого капитала на одного кооператора в низовой сети была равна 38 руб. 25 коп., а в июле 1929 года произошло снижение до 36 руб. 15 копеек [ГАНО, ф. п-981, оп. 1, д. 147, л. 52]. Паевой капитал, собранный в окружных промсоюзах по отношению к общему числу кооперированных, на 1 октября 1927 года равнялся 11 руб. 80 коп. на одного артельщика, а на 1 июля 1928 года — 10 руб. 39 копеек [Журавлев, 1929, с. 88]. Отметим, что к числу достижений промысловой кооперации Сибири в исследуемый период относится рост ее собственных средств с 221 000 руб. на 1 октября 1926 года до 820 000 руб. на 1 октября 1928 года [ГАРФ, ф. 5449, оп. 2, д. 1213, л. 3].

Хозяйственному укреплению промкооперации способствовала начатая в соответствии с постановлением СНК СССР от 3 мая 1927 года передача в распоряжение промкооперации государственного оборудования и бездействующих предприятий. В Сибири подобная практика стала реализовываться почти на месяц раньше. Еще до принятия правительственного решения Сибкрайком ВКП(б) в постановлении от 6 апреля 1927 года обратил внимание хозяйственных органов на необходимость содействия промкооперации в «приобретении на льготных условиях», «сдаче в аренду» и «переда-

че бездействующих промышленных предприятий» [РГАСПИ, ф. 17, оп. 21, д. 3194, л. 173; Коновалов и др., 1984, с. 33]. Однако до конца 1927 года предпринимались единичные меры по выполнению данного постановления. Лишь после резолюции I пленума Сибкрайсовнархоза (22—26 января 1928 года), которая обязывала обеспечить «всемерное проведение в жизнь этих директив партии и правительства» и передать на льготных условиях промысловым кооперативам бездействующие предприятия и оборудование, в регионе активизировалась подобная практика [Сборник важнейших решений ..., 1928, с. 117]. В течение 1927/28 х. г. сибирской промкооперации было передано 28 государственных предприятий, а к концу 1929 года промкооперация получила 33 различных предприятия, 13 из которых были отданы промсоюзам безвозмездно [ГАРФ, ф. 5449, оп. 2, д. 1134, л. 16]. Чаще всего инициаторами передачи становились сами окружные союзы. Так, в начале 1928 года велись переговоры на передачу 19 предприятий Томскому, Ново-николаевскому, Барнаульскому и Канскому союзам. В итоге 12 из них были переданы кооператорам. Среди них 3 кожевенных завода, пимокатная фабрика, 2 овчинно-шубных завода, канатный завод. Показательны условия, на которых передавались данные предприятия: 2 предприятия отдавались под 4 % годовых на 5 и 6 лет, 2 предприятия — безвозмездно, остальные — без процентов с погашением от 5 до 8 лет [ГАНУ, ф. р-22, оп. 2, д. 544, л. 200].

В целом улучшение финансового состояния и укрепление материальной базы дали кооперированным мелким промышленным производителям возможность приступить в 1928 году к частичной реконструкции старых и строительству новых предприятий. Если в 1926 году помещения всех обследованных кустарных заводов Томского, Барнаульского, Новосибирского округов «за редким исключением имели жалкий вид», «не хватало простейших инструментов и оборудования» [Там же, ф. р-12, оп. 1, д. 462, л. 120], то через два года положение заметно меняется: многие предприятия промысловой кооперации в указанных округах были не только отремонтированы, но и частично переоборудованы. Кстати, большинство переданных предприятий также нуждалось в ремонте и оснащении оборудованием. Например, артелями Барнаульского промсоюза в 1927/28 х. г. было приобретено 5 заводов и мастерских на льготных условиях. Все они были переоборудованы [ГААК, ф. п-4, оп. 1, д. 24, л. 181]. Томский промсоюз в том же хозяйственном году получил 9 бездействующих предприятий, 7 из которых отремонтировал, а для двух приобрел новые инструменты и оборудование [ГАНУ, ф. п-981, оп. 1, д. 147, л. 61]. Кроме того, появились новые мелкопромышленные заведения. Так, в Барнаульском округе при помощи окрпромсоюза был построен овчинно-шубный завод [ГААК, ф. п-4,

оп. 1, д. 24, л. 181]. В целом по данным 9 окружных промсоюзов из 13, капиталовложения в строительство и реконструкцию предприятий Сибпромкооперации в 1928/29 х. г. составили 900 000 руб., причем 71 % этой суммы был затрачен на строительство новых предприятий и приобретение оборудования [ГАРФ, ф. 5449, оп. 2, д. 1463, л. 24; Коновалов и др., 1984, с. 34].

Стабилизация экономического положения сибирской промысловой кооперации повлияла на материальное положение и условия труда кооперированных мелких производителей. Если в 1927 году, по данным крупнейшего Новосибирского союза сибирской промкооперации, максимальный ежемесячный заработок кооперированного кустаря составлял 50 руб. [ГАНО, ф. п-18, оп. 1, д. 779, л. 1], то в 1928/29 х. г. уже средняя зарплата членов промкооперации края достигала 52,5 рублей. Для сравнения: доход некооперированных кустарей и ремесленников в этот же период составлял в среднем 60—70 % заработка кооператора [Там же, ф. п-2, оп. 1, д. 3569, л. 49].

На материальном положении артельщиков сказывалась и деятельность касс взаимопомощи, которым в 1927/28 х. г. были переданы также функции охраны труда и санитарного надзора [Там же, ф. п-18, оп. 1, д. 1394, л. 29]. На 1 апреля 1929 года в Сибирском крае насчитывалось 13 касс взаимопомощи с 15 703 членами (61 % кооперированных кустарей). Кассы имели 3 собственных дома отдыха, 6 амбулаторий, арендовали места для артельщиков в санаториях. Средства касс взаимопомощи образовывались за счет вступительных взносов по 3 руб. с каждого вступающего, страховых взносов в размере от 5 до 12 % от зарплаты кустарей и отчислений от прибыли артелей до 5 % [ГААК, ф. п-4, оп. 3, д. 165, л. 70—70 об.; ГАНО, ф. п-22, оп. 2, д. 368, л. 75]. Медпомощь, как стационарную, так и амбулаторную, кассы взаимопомощи оказывали через лечебные учреждения окружных отделов здравоохранения, заключая с последними генеральные договоры [ГАНО, ф. п-22, оп. 2, д. 368, л. 76]. Участники кассы получали пособия по болезни с первого дня заболевания до выздоровления, смерти или установления инвалидности; им выплачивалось 75 % средней зарплаты по последним двум месяцам. Выплачивали кассы пенсии по инвалидности и пенсии семьям, потерявшим кормильца. Женщины-артельщицы могли рассчитывать на пособие по родам: для работающих в общих мастерских 6 недель до и 8 недель после, для работающих на дому 6 и 6 недель соответственно [ГААК, ф. п-4, оп. 3, д. 165, л. 71—73]. На 8 марта 1929 года в системе сибирской промысловой кооперации имелось 16 окружных касс взаимопомощи, то есть при каждом окрсоюзе [ГАРФ, ф. 5449, оп. 2, д. 1331, л. 8], кроме того, фонды взаимострахования имели около 50 % всех кооперативных объединений кустарей и ремесленников [ГААК, ф. п-100, оп. 1, д. 172, л. 118].

Не только кассы взаимопомощи оказывали поддержку кооператорам, но и сибирские окружные союзы, и Сибпромсоюз. Часть прибыли они направляли на создание детских площадок, яслей и детских садов, на улучшение быта многодетных матерей [ГААК, ф. п-4, оп. 5, д. 46, л. 10; ф. р-102, оп. 1, д. 380, л. 20–21 об.; ГАРФ, ф. 5449, оп. 2, д. 1046, л. 7]. Окрсоюзы отчисляли в размере от 0,1 до 0,5 % на ведение культработы, Сибпромсоюз — 1,8 % [ГАНУ, ф. п-2, оп. 2, д. 368, л. 61–66; ГАРФ, ф. 5449, оп. 2, д. 1463, л. 33]. В 1929 году на проведение массовой и культурно-просветительной работы среди объединений кустарей и ремесленников было выделено по всей системе 775 400 рублей [ГАРФ, ф. 5449, оп. 2, д. 1463, л. 33].

В 1926—1929 годах произошло сокращение рабочего дня артельщиков. В первые годы существования сибирских окружных промсоюзов рабочий день кооперированных кустарей целиком зависел от степени загруженности артелей и при наличии необходимого сырья был не ниже 10 часов в сутки, а иногда достигал 12 часов [ГААК, ф. р-100, оп. 1, д. 172, л. 116]. Внедрение планового снабжения сырьем и укрепление материальной базы промкооперации позволили упорядочить и сократить рабочий день в артелях. Хотя в начале 1929 года 10-часовой рабочий день сохранился еще в 27 % (главным образом, мелких) артелей Сибпромсоюза, в 40 % артелей, охватывавших до 70 % артельщиков, действовал 8-часовой рабочий день [ГАНУ, ф. п-2, оп. 2, д. 368, л. 58]. Средняя продолжительность рабочего дня в кооперативах с общей мастерской была меньше, чем на дому, например, в артелях Томского союза в 1928/29 х. г. в общих мастерских трудились 8,5 часов, а на дому — 9 часов [ГАРФ, ф. 5449, оп. 2, д. 1046, л. 14].

Промысловая кооперация Сибири остро нуждалась в квалифицированных кадрах. Их не хватало даже в системе Сибпромсоюза [ГАНУ, ф. п-2, оп. 2, д. 368, л. 54; РГАЭ, ф. 3986, оп. 1, д. 676, л. 2]. Проблему пытались решить разными путями. Во-первых, вербовали специалистов за пределами Сибири. Так, в 1928/29 х. г. через публикации в газетах было завербовано 80 человек различных специальностей. Во-вторых, развивали учебно-курсовую работу в системе Сибпромсоюза. В 1928/29 х. г. 17 человек в течение 9 месяцев обучались на сибирских промысловых курсах, в кустарно-ремесленных школах и при мастерских. Однако таким способом удавалось подготовить и переподготовить лишь 2 % членов артелей [ГАРФ, ф. 5449, оп. 2, д. 1463, л. 14, 16], а нуждались почти 50 процентов [РГАЭ, ф. 3986, оп. 1, д. 676, л. 2]. В-третьих, при окружных союзах создавались показательные мастерские и школы, которые нередко бездействовали из-за материальных трудностей [ГАНУ, ф. р-12, оп. 1, д. 462, л. 124]. Наконец, в-четвертых, развитие системы ученичества. Последнее оказалось самым результативным и

жизнеспособным. На проходившем с 22 по 26 января 1928 года I пленуме Сибкрайсовнархоза был поднят вопрос о расширении и укреплении сети учебно-показательных мастерских и школ, а также об организации ученичества [Сборник важнейших решений ..., 1928, с. 117]. По данным 11 союзов и 444 кооперативов, в 1927/28 х. г. в крае при промысловых кооперативах было 239 учеников, а к 1 апреля 1929 года общее количество учеников возросло до 836 человек [ГАНО, ф. п-2, оп. 2, д. 368, л. 58]. Ученики нередко работали наравне с пайщиками, преимущественно 6—8 часов, многие из них получали вознаграждение от 15 до 30 руб. в месяц [ГААК, ф. р-100, оп. 1, д. 172, л. 71; ГАНО, ф. р-22, оп. 2, д. 112, л. 134, 205]. Организация системы ученичества не только решала задачу подготовки кадров для кустарно-промысловых артелей, но и вовлекала в кооперацию молодежь. Значительные средства для подготовки и переподготовки специалистов для промысловой кооперации края выделяли начиная с 1927 года ВСНХ РСФСР и Сибкрайсовнархоз. За счет их финансовой помощи в регионе практиковались кустарно-промысловые курсы от 2-х недель до 2-х месяцев и вечерние кооперативные курсы от 5 до 9 месяцев с занятиями 2 раза в неделю [РГАЭ, ф. 3986, оп. 1, д. 676, л. 3—4], создавались учебно-показательные мастерские [ГАНО, ф. р-22, оп. 2, д. 417, л. 58, 100]. Кроме того, Сибкрайсовнархоз 27 февраля 1928 года постановил открыть при Новосибирском кооперативно-экономическом техникуме отделение по промкооперации [ГАНО, ф. р-22, оп. 2, д. 112, л. 134], а в Постановлении от 23 августа 1929 года потребовал «в срочном порядке составить план обеспечения системы квалифицированной техсилы по каждой отрасли промыслов в отдельности и особый план на инструкторские силы Союзов» [Там же, д. 736, л. 160].

4. Заключение

В исследуемый период сибирская мелкая промышленность производила около половины всей промышленной продукции края, вовлекала в кустарно-ремесленное производство значительную часть его трудовых ресурсов и играла важную роль в сибирской экономике. Однако среди мелких промышленных производителей преобладали сельские кустари и ремесленники, а обширность территории, крайняя распыленность кустарно-ремесленного производства, удаленность его от промышленных центров и рынков сбыта готовой продукции и полуфабрикатов, зависимость от скупщика-ростовщика, хронический дефицит денежных средств, организационно-хозяйственная слабость промысловой кооперации осложняли обслуживание сибирской мелкой промышленности. Поэтому на завершающем этапе новой экономической политики предстояло решить следующие при-

оритетные задачи: во-первых, добиться включения в сферу влияния промкооперации отдаленных районов с распыленным кустарно-ремесленным населением; во-вторых, увеличить численность низовой кооперативной сети, особенно на селе; в-третьих, создать в целях более целенаправленного, регулярного и оперативного обслуживания кооперативов единую систему сибирской промкооперации. Все задачи были так или иначе решены.

За 1926—1929 годы промысловая кооперация Сибири превратилась в самостоятельную систему; произошел количественный рост кустарных производственных объединений и членов в них; ведущими направлениями кооперативного строительства на исходе нэпа стали создание артелей с общей мастерской и укрупнение кооперативов. Правда, государственным и кооперативным органам так и не удалось объединить в артели большую часть кустарей и ремесленников, однако был создан Сибпромсоюз, включавший в себя 16 окружных союзов, и значительно расширена низовая сеть промысловой кооперации края.

Окрепшая сибирская промкооперация давала реальные выгоды городским и сельским мелким промышленным производителям. Плановое снабжение сырьем, организованный сбыт готовой продукции, льготное кредитование, значительный рост собственных средств артелей, окружных и краевого союзов, передача им бездействующих предприятий, стабильная заработная плата, нормированный рабочий день, улучшение условий труда, социальные гарантии подняли авторитет промкооперации среди кустарей, способствовали росту ее численного состава и обусловили достаточно стабильную хозяйственную работу всей системы.

С одной стороны, функционирование промысловой кооперации на данном этапе во многом соответствовало принципам артельной работы, которая заключалась в совместной заготовке необходимого сырья, производстве и сбыте готовых изделий и полуфабрикатов, с другой стороны, включение промкооперации в планы по снабжению сырьем и материалами, выделение ей кредитов на льготных условиях, организованный сбыт, помощь в подготовке квалифицированных кадров усиливали зависимость кооперации от государства. На исходе новой экономической политики были не только подготовлены условия для осуществления массового производственного кооперирования мелких промышленных производителей, предприняты шаги для централизации системы, когда вышестоящее звено планирует и контролирует организационную и хозяйственную жизнь нижестоящего путем дачи твердых лимитов по основным количественным и качественным показателям, отслеживая их безусловное выполнение, но и созданы предпосылки для окончательного огосударствления промысловой кооперации Сибири.

Источники и принятые сокращения

1. *Вестник* промысловой кооперации (Москва). — 1927. — № 11. — С. 35.
2. *Вестник* промысловой кооперации (Москва). — 1932. — № 6. — С. 35—36.
3. ГААК — *Государственный архив Алтайского края*. Ф. П-4 (Барнаульский окружком ВКП(б), 1921—1938). Оп. 1. Д. 24. Л. 181 ; Оп. 3. Д. 165. Лл. 70—70 об., 71—73 ; Оп. 5. Д. 46. Л. 10. ; Ф. Р-100 (Барнаульский окрисполком, 1924—1930). Оп. 1. Д. 172. Лл. 50, 71, 116, 118 ; Ф. Р-102 (Отдел местного хозяйства Барнаульского окрисполкома, 1918—1931). Оп. 1. Д. 380. Лл. 20—21 об.
4. ГАНО — *Государственный архив Новосибирской области*. Ф. П-2 (Сибирский краевой комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), г. Новосибирск, 17.12.1918—июль 1930). Оп. 1. Д. 3569. Л. 49 ; Оп. 2. Д. 368. Лл. 52, 54, 58, 61—66, 77 ; Оп. 7. Д. 400. Лл. 94, 95 ; Д. 565. Л. 39 ; Ф. П-18 (Новосибирский окружной комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), г. Новосибирск, 23.10.1925 — август 1930). Оп. 1. Д. 779. Л. 1 ; Д. 782. Л. 9 ; Д. 1394. Л. 29 ; Ф. П-22 (Новосибирский городской комитет Коммунистической партии Советского Союза, г. Новосибирск, 1925—1991). Оп. 2. Д. 368. Л. 76 ; Ф. П-981 (Коммунистическая фракция президиумов, правлений, коллегий советских, профсоюзных и кооперативных организаций Сибирского и Западно-Сибирского края, 1920—1937). Оп. 1. Д. 147. Л. 52 ; Д. 152. Л. 13 ; Ф. Р-12 (Западно-Сибирская краевая плановая комиссия Исполнительного комитета Западно-Сибирского краевого Совета депутатов трудящихся, г. Новосибирск, декабрь 1925 — 17 октября 1937). Оп. 1. Д. 311. Л. 121 ; Д. 462. Лл. 41, 94, 109, 111, 115, 119, 124 ; Д. 464. Лл. 19, 20—21 ; Ф. Р-22 (Западно-Сибирский краевой совет народного хозяйства Исполнительного комитета Западно-Сибирского краевого Совета депутатов трудящихся Высшего совета народного хозяйства РСФСР, г. Новосибирск, 04.01.1925—1932. Оп. 1. Д. 30 «а». Л. 1 ; Д. 53. Л. 76 ; Д. 462. Л. 77 ; Оп. 2. Д. 53. Л. 86 ; Д. 112. Лл. 134, 205 ; Д. 415. Лл. 33, 281 ; Д. 417. Лл. 58, 100 ; Д. 442. Лл. 3 об., 22 об. ; Д. 544. Лл. 190—192, 196, 200 ; Д. 564. Лл. 13, 166, 271 ; Д. 644. Лл. 28, 74, 76, 89 ; Д. 736. Л. 161 ; Д. 739. Л. 71 ; Ф. Р-918 (Сибирское областное промышленное бюро Высшего Совета народного хозяйства Сибпромбюро ВСНХ), г. Новосибирск, 1920—1926). Оп. 1. Д. 9. Л. 36 ; Д. 492. Л. 97 ; Д. 521. Л. 36.
5. ГАРФ — *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. 5449 (Всероссийский союз промысловой кооперации (Всекопромсоюз) 1919—1932). Оп. 2. Д. 647. Лл. 1, 6, 13 ; Д. 934. Л. 1 ; Д. 1032. Лл. 2, 226 ; Д. 1035. Л. 2 ; Д. 1046. Лл. 7, 14 ; Д. 1331. Л. 8 ; Д. 1134. Л. 16 ; Д. 1463. Лл. 9, 11 об., 14, 16, 23, 24, 33.
6. *Журавлев И.* Состояние кустарной промышленности и задачи промкооперации Сибкрая / И. Журавлёв // *Жизнь Сибири* (Новосибирск). — 1929. — № 1. — С. 88—89.
7. *Кооперация Сибири* : сорник к десятилетию Октябрьской революции. — Новосибирск : Сибкрайкоопсовет, 1927. — 55 с.
8. РГАСПИ — *Российский государственный архив современной политической истории*. Ф. 17 (Центральный комитет КПСС (1898, 1903—1991). Оп. 21. Д. 3194. Лл. 172—173.
9. РГЭА — *Российский государственный архив экономики*. Ф. 3986 (Центральный кооперативный совет (ЦКС), 1925—1928). Оп. 1. Д. 676. Л. 2—4.
10. *Сборник важнейших решений по вопросам промышленности за 1927 и 1928 г.* — Новосибирск : [б. и.], 1928. — 124 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барков Г. А. Центральные органы промысловой кооперации в период нэп / Г. А. Барков // Омский научный вестник. — 2010. — № 2 (86). — С. 50—54.
2. Бородулина Е. В. Первые шаги сибирского промкооперативного строительства в условиях перехода к новой экономической политике (1921—1923 годы) / Е. В. Бородулина. — Научный диалог. — 2018. — № 3. — С. 116—135. DOI : 10.24224/2227-1295-2018-3-116-135.
3. Егоров В. Г. Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве : становление, этапы развития, огосударствление (первая треть XX века) / В. Г. Егоров. — Казань : Издательство Казанского университета, 2005. — 332 с.
4. Коновалов В. В. Организационно-хозяйственное развитие промысловой кооперации Сибири в 1926—1929 гг. / В. В. Коновалов, А. П. Угроватов // Кооперативное движение в Сибири : сборник научных трудов. — Тюмень : издательство Тюменского государственного университета, 1984. — С. 30—36.
5. Лейкина С. А. Промыслы и кустарное производство Иркутской губернии в к. XIX — первой трети XX в. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / С. А. Лейкина. — Иркутск, 2004. — 229 с.
6. Николаев А. А. Мелкая промышленность и кустарные промыслы Сибири в советской кооперативной системе (1920 — середина 1930-х гг.) / А. А. Николаев. — Новосибирск : Издательство Сибирского отделения РАН, 2000. — 139 с.
7. Семина С. А. Деятельность Иркутского кооперативного кустарно-промыслового союза (вторая половина 1920-х годов) / С. А. Семина // Иркутский историко-экономический ежегодник. — Иркутск : Байкальский государственный университет, 2018. — С. 232—237.
8. Сидорова Ю. А. Отечественная промысловая кооперация в контексте социального преобразования общественного хозяйства (1920-е годы) : проекты и реальность : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук / Ю. А. Сидорова. — Москва, 2011. — 26 с.
9. Юматова Е. А. Государственная политика в промышленности в период нэпа : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Е. А. Юматова. — Владимир, 2010. — 220 с.
10. Ягов О. В. Кустарно-промысловая кооперация Поволжья в условиях нэпа : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / О. В. Ягов. — Самара, 2009. — 439 с.

INDUSTRIAL COOPERATION IN SIBERIA AT THE END OF THE NEW ECONOMIC POLICY (1926—1929)

© Elena V. Borodulina (2020), orcid.org/0000-0002-0324-927X, PhD in History, Associate Professor, Department of Russian History, University of Tyumen (Tyumen, Russia), borodulina.e@list.ru.

The state of the trade cooperation in Siberia in 1926-1929 is described in the article. Such aspects as organizational building, economic development and regional specificity

in the context of the transformation of associations of small industrial producers into an independent cooperative system is analyzed. Attention is paid to the peculiarities of the emergence and priority areas of activity of the Siberian Trading Union. The relevance of the study is due both to the ongoing discussion about the assessment of the state of industrial cooperation on the eve of the "great turning point", as well as its scale and role in the development of the region. The author formulates her own approach to assess the socio-economic processes in small-scale industrial production. It is concluded that the overall result of the organizational and economic development of the Siberian trading cooperation in recent years of the new economic policy was its transformation into a force that could influence the further development of associations of handicraftsmen and artisans, but protectionist measures increased the dependence of artels on state bodies in terms of financing, supply, sales organization and created the prerequisites for the nationalization of the industrial cooperation of Siberia. The main sources of work were materials from the funds of the State Archives of the Russian Federation, the State Archives of the Novosibirsk Region, the State Archives of the Altai Territory, some of which are being introduced into scientific circulation for the first time.

Key words: Siberia; commercial cooperation; artel; trading union; Sibpromsoyuz; handicraftsmen and artisans; new economic policy.

MATERIAL RESOURCES

- GAAK — *Gosudarstvennyy arkhiv Altayskogo kraya. F. P-4 (Barnaulskiy okruzhkom VKP(b), 1921—1938). Op. 1. D. 24. L. 181. Op. 3. D. 165. Ll. 70—70 ob., 71—73. Op. 5. D. 46. L. 10. F. R-100 (Barnaulskiy okrispolkom, 1924—1930). Op. 1. D. 172. Ll. 50, 71, 116, 118. F. R-102 (Otdel mestnogo khozyaystva Barnaulskogo okrispolkoma, 1918—1931). Op. 1. D. 380. Ll. 20—21 ob [State archive of the Altai territory. F. p-4 (Barnaul district Committee of the CPSU(b), 1921—1938). Op. 1. D. 24. L. 181. Op. 3. D. 165. Ll. 70—70 Ob., 71—73. Op. 5. D. 46. L. 10. F. R-100 (Barnaul regional Executive Committee, 1924—1930). Op. 1. D. 172. Ll. 50, 71, 116, 118. F. R-102 (Department of local economy of the Barnaul regional Executive Committee, 1918—1931). op. 1. d. 380. ll. 20—21 vol.]. (In Russ.).*
- GANО — *Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti. F. P-2 (Sibirskiy krayevoy komitet Vsesoyuznoy Kommunisticheskoy partii (bolshevikov), g. Novosibirsk, 17.12.1918—iyul' 1930). Op. 1. D. 3569. L. 49. Op. 2. D. 368. Ll. 52, 54, 58, 61—66, 77. Op. 7. D. 400. Ll. 94, 95. D. 565. L. 39. F. P-18 (Novosibirskiy okruzhnoy komitet Vsesoyuznoy Kommunisticheskoy partii (bolshevikov), g. Novosibirsk, 23.10.1925 — avgust 1930). Op. 1. D. 779. L. 1. D. 782. L. 9. D. 1394. L. 29. F. P-22 (Novosibirskiy gorodskoy komitet Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza, g. Novosibirsk, 1925—1991). Op. 2. D. 368. L. 76. F. P-981 (Kommunisticheskaya fraktsiya prezidiumov, pravleniy, kollegiy sovetskikh, profsoyuznykh i kooperativnykh organizatsiy Sibirskogo i Zapadno-Sibirskogo kraya, 1920—1937). Op. 1. D. 147. L. 52. D. 152. L. 13. F. R-12 (Zapadno-Sibirskaya kraevaya planovaya komissiya Ispolnitelnogo komiteta Zapadno-Sibirskogo kraevogo Soveta deputatov trudyashchikhsya, g. Novosibirsk, dekabr' 1925 — 17 oktyabrya 1937). Op. 1. D. 311. L. 121. D. 462. Ll. 41, 94, 109, 111, 115, 119, 124. D. 464. Ll. 19, 20—21. F. R-22 (Zapadno-Sibirskiy kraevoy sovet narodnogo khozyaystva Ispolnitelnogo komiteta Zapadno-Sibirskogo krayevogo Soveta deputatov trudyashchikhsya Vysshego soveta narodnogo khozyaystva RS-FSR, g. Novosibirsk, 04.01.1925—1932. Op. 1. D. 30 «a». L. 1. D. 53. L. 76.*

- D. 462. L. 77. Op. 2. D. 53. L. 86. D. 112. Ll. 134, 205. D. 415. Ll. 33, 281. D. 417. Ll. 58, 100. D. 442. Ll. 3 ob., 22 ob. D. 544. Ll. 190—192, 196, 200. D. 564. Ll. 13, 166, 271. D. 644. Ll. 28, 74, 76, 89. D. 736. L. 161. D. 739. L. 71. F. R-918 (Sibirskoye oblastnoye promyshlennoye byuro Vysshego Soveta narodnogo khozyaystva (Sibprombyuro VSNKh), g. Novosibirsk, 1920—1926). Op. 1. D. 9. L. 36. D. 492. L. 97. D. 521. L. 36 [State archive of the Novosibirsk region. F. P-2 (Siberian regional Committee of the all-Union Communist party (Bolsheviks), Novosibirsk, 17.12.1918–July 1930). Op. 1. D. 3569. L. 49. Op. 2. D. 368. Ll. 52, 54, 58, 61—66, 77. Op. 7. D. 400. Ll. 94, 95. D. 565. L. 39. F. P-18 (Novosibirsk district Committee of the all — Union Communist party (Bolsheviks), Novosibirsk, 23.10.1925–August 1930). Op. 1. D. 779. L. 1. D. 782. L. 9. D. 1394. L. 29. F. P-22 (Novosibirsk city Committee of the Communist party of the Soviet Union, Novosibirsk, 1925—1991). Op. 2. D. 368. L. 76. F. P-981 (Communist faction of the Presidium, Board, and Collegium of Soviet, trade Union, and cooperative organizations of the Siberian and West Siberian territories, 1920—1937). Op. 1. D. 147. L. 52. D. 152. L. 13. F. R-12 (West Siberian regional planning Commission of the Executive Committee of the West Siberian regional Council of workers ‘ deputies, Novosibirsk, December 1925 — October 17, 1937). Op. 1. D. 311. L. 121. D. 462. Ll. 41, 94, 109, 111, 115, 119, 124. D. 464. Ll. 19, 20—21. F. R-22 (West Siberian regional Council of national economy of the Executive Committee of the West Siberian regional Council of workers ‘ deputies of the Supreme Council of national economy of the RSFSR, Novosibirsk, 04.01.1925–1932. op. 1. d. 30 “a”. I. 1. d. 53. I. 76. d. 462. I. 77. Op. 2. d. 53. I. 86. d. 112. L. 134, 205. D. 415. L. 33, 281. D. 417. L. 58, 100. D. 442. L. 3 Ob., 22 Ob. d. 544. Ll. 190—192, 196, 200. D. 564. Ll. 13, 166, 271. d. 644. Ll. 28, 74, 76, 89. d. 736. I. 161. D. 739. L. 71. f. R-918 (Siberian Regional Industrial Bureau of the Supreme Council of National Economy (Sibprombyuro VSNH), Moscow Novosibirsk, 1920—1926). Op. 1. D. 9. L. 36. D. 492. L. 97. D. 521. L. 36]. (In Russ.).*
- GARF — *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. F. 5449 (Vserossiyskiy soyuz promyslovoy kooperatsii (Vsekopromsoyuz) 1919—1932). Op. 2. D. 647. Ll. 1, 6, 13. D. 934. L. 1. D. 1032. Ll. 2, 226. D. 1035. L. 2. D. 1046. Ll. 7, 14. D. 1331. L. 8. D. 1134. L. 16. D. 1463. Ll. 9, 11 ob., 14, 16, 23, 24, 33 [State archive of the Russian Federation. F. 5449 (all-Russian Union of trade cooperation (Vsekopromsoyuz) 1919—1932). Op. 2. D. 647. Ll. 1, 6, 13. D. 934. L. 1. D. 1032. Ll. 2, 226. D. 1035. L. 2. D. 1046. Ll. 7, 14. D. 1331. L. 8. D. 1134. L. 16. D. 1463. Ll. 9, 11 Ob., 14, 16, 23, 24, 33]. (In Russ.).*
- Kooperatsiya Sibiri: sbornik k desyatiletiyu Oktyabrskoy revolyutsii [Cooperation of Siberia: a collection for the tenth anniversary of the October revolution]. (1927). Novosibirsk: Sibkraykoopsovet. 55 p. (In Russ.).*
- RGAE — *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki. F. 3986 (Tsentralnyy kooperativnyy sovet (TsKS), 1925—1928). Op. 1. D. 676. L. 2—4 [Russian state archive of Economics. F. 3986 (Central cooperative Council (CCC), 1925—1928). Op. 1. D. 676. L. 2—4]. (In Russ.).*
- RGASPI — *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sovremennoy politicheskoy istorii. F. 17 (Tsentralnyy komitet KPSS (1898, 1903—1991). Op. 21. D. 3194. Ll. 172—173*

- [Russian state archive of modern political history. F. 17 (Central Committee of the CPSU (1898, 1903—1991). Op. 21. D. 3194. Ll. 172—173]. (In Russ.).
- Sbornik vazhneyshikh resheniy po voprosam promyshlennosti za 1927 i 1928 g* [Collection of the most important decisions on industrial issues for 1927 and 1928]. (1928). Novosibirsk: [b. i.]. 124 p. (In Russ.).
- Vestnik promyslovoy kooperatsii (Moskva)* [Bulletin of commercial cooperation (Moscow)], 11. (1927). 35 p. (In Russ.).
- Vestnik promyslovoy kooperatsii (Moskva)* [Bulletin of commercial cooperation (Moscow)], 6. (1932). 35—36.
- Zhuravlev, I. (1929). *Sostoyaniye kustarnoy promyshlennosti i zadachi promkooperatsii Sibkraya* [State of the handicraft industry and the tasks of industrial cooperation Sibkray]. *Zhizn' Sibiri (Novosibirsk)* [Life of Siberia (Novosibirsk)], 1: 88—89. (In Russ.).

REFERENCES

- Barikov, G. A. (2010). Tsentralnyye organy promyslovoy kooperatsii v period nep [Central Bodies of commercial cooperation during the NEP period]. *Omskiy nauchnyy vestnik* [Omsk scientific Bulletin], 2 (86): 50—54. (In Russ.).
- Borodulina, E. V. (2018). *Pervyye shagi sibirskogo promkooperativnogo stroitelstva v usloviyakh perekhoda k novoy ekonomicheskoy politike (1921—1923 gody)* [The First steps of Siberian industrial cooperative construction in the transition to a new economic policy (1921—1923)]. *Nauchnyy dialog*, 3: 116—135. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-3-116-135. (In Russ.).
- Egorov, V. G. (2005). *Otechestvennaya kooperatsiya v melkom promyshlennom proizvodstve: stanovleniye, etapy razvitiya, ogosudarstvleniye (pervaya tret' XX veka)* [Domestic cooperation in small-scale industrial production: formation, stages of development, nationalization (the first third of the XX century)]. Kazan': Izdatelstvo Kazanskogo universiteta. 332 p. (In Russ.).
- Konovalov, V. V., Ugrovatov, A. P. (1984). Organizatsionno-khozyaystvennoye razvitiye promyslovoy kooperatsii Sibiri v 1926—1929 gg [Organizational and economic development of commercial cooperation in Siberia in 1926—1929]. In: *Kooperativnoye dvizheniye v Sibiri: sbornik nauchnykh trudov* [Cooperative movement in Siberia: collection of scientific papers]. Tyumen': izdatelstvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. 30—36. (In Russ.).
- Leykina, S. A. (2004). *Promysly i kustarnoye proizvodstvo Irkutskoy gubernii v k. XIX — pervoy treti XX v.* PhD Diss. [Crafts and handicraft production of the Irkutsk province in the late XIX — first third of the XX century. PhD Diss.]. Irkutsk. 229 p. (In Russ.).
- Nikolayev, A. A. (2000). *Melkaya promyshlennost' i kustarnyye promysly Sibiri v sovetskoy kooperativnoy sisteme (1920 — seredina 1930-kh gg.)* [Small industry and Handicrafts of Siberia in the Soviet cooperative system (1920 — mid-1930s)]. Novosibirsk: Izdatelstvo Sibirskogo otdeleniya RAN. 139 p. (In Russ.).
- Semina, S. A. (2018). *Deyatelnost' Irkutskogo kooperativnogo kustarno-promyslovogo soyuza (vtoraya polovina 1920-kh godov)* [Activity of the Irkutsk cooperative handicraft Union (the second half of the 1920s)]. In: *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskyy ezhegodnik* [Irkutsk Historical and Economic Yearbook]. Irkutsk: Baykalskiy gosudarstvennyy universitet. 232—237. (In Russ.).

- Sidorova, Yu. A. (2011). *Otechestvennaya promyslovaya kooperatsiya v kontekste sotsialisticheskogo preobrazovaniya obshchestvennogo khozyaystva (1920-e gody): proekty i realnost'*. Author's abstract of PhD Diss. [Domestic industrial cooperation in the context of the socialist transformation of the social economy (1920s). Author's abstract of PhD Diss.]. Moskva. 26 p. (In Russ.).
- Yagov, O. V. (2009). *Kustarno-promyslovaya kooperatsiya Povolzhya v usloviyakh nepa*. Doct. Diss. [Handicraft and trade cooperation of the Volga region in the conditions of NEP. Doct. Diss.]. Samara. 439 p. (In Russ.).
- Yumatova, E. A. (2010). *Gosudarstvennaya politika v promyshlennosti v period nepa*. PhD Diss. [State policy in industry during the NEP. PhD Diss.]. Vladimir. 220 p. (In Russ.).